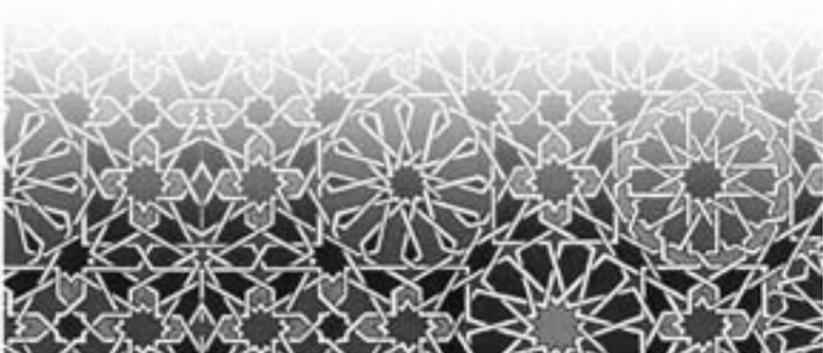

Лора Бекитт

*Аромат
Лотоса*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков

2011

ББК 84.4РОС
Б42

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Ольга Рудницкая*
Художник *Андрей Печенежский*

- © Лора Бекитт, 2010
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2010
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2010

ISBN 978-966-14-1552-1 (PDF)

От автора

Романы «Девадаси» и «Верность любви», в которых волшебная сказка сочетается с трагической реальностью, посвящены Индии, многоликой и вместе с тем узнаваемой, как никакая другая страна. Жизнь ее народа полна противоречий и бед, и в то же время индийцы, как никто другой, умеют радоваться тому, что существуют на свете.

В одном из произведений повествуется о нелегкой судьбе девушек-девадаси, «жен бога», смыслом жизни которых становится танец, а еще — желание обрести простое женское счастье.

Подруги Амрита и Тара, первую из которых продали в храм родители, а вторая — подкидыш, счастливы и несчастны, свободны и несвободны. Они посвящены богу Шиве, и им запрещено выходить замуж за земных мужчин. Однако человеческое сердце живет по своим собственным законам, и девушкам суждено пройти через нелегкие испытания в борьбе за право любить и быть любимыми.

Другой роман рассказывает о французском дворянине, преданном своей возлюбленной и осужденном за преступление, которого он не совершал. Судьба забрасывает Анри де Лавалья в далекую страну, и он обретает надежду на будущее благодаря встрече с индийской девушкой Тулси, терзаемой совестью за собственный проступок — бегство от самосожжения после смерти мужа. Европейца и индианку, людей разных культур, воспитания и веры, сближает любовь — единственное, что способно преодолеть предрассудки, расстояние, время.

Две истории обретения трудного, но до боли желанного счастья — это истории свершения чуда вопреки козням судьбы, веры в то, что благородство души, трудолюбие и талант способны победить в любых обстоятельствах. Это мое признание в любви к стране, чей народ, несмотря на все невзгоды, поет, кружится в танце и смотрит в будущее с улыбкой, чья неповторимая красота навсегда берет сердце в плен.

Devagacu

Пролог

В весенний день 1740 года, когда родилась Амрита, шел дождь, такой же унылый и серый, как жизнь бедняка.

Раму сидел на корточках под ветхим навесом, с которого бесконечным потоком лилась вода, и терпеливо ждал, когда ему позволят войти в хижину, откуда доносились душераздирающие крики его жены Гиты.

Когда голос роженицы смолк и на пороге появилась деревенская повитуха, мужчина с надеждой поднял глаза.

— Девочка, — сурово изрекла женщина, и Раму обреченно опустил плечи.

Седьмая дочь за тринадцать лет брака и ни одного мальчика: едва ли боги могли придумать более изощренное наказание! Вероятно, в одной из прежних жизней он совершил жестокое преступление, а быть может, когда-то в прошлом у него рождались одни сыновья.

Раму поднялся и направился в дом.

Здесь не было окон, и свет проникал через узкий дверной проем. Бамбуковые жерди на потолке закоптились, с них свисали лохмотья саж. На земляном полу — несколько потертых циновок. У тлеющего очага — глиняные горшки. Пахло дымом и сыростью.

Гита лежала, вытянув руки вдоль тела, изможденная и безучастная. Поглядев на жену, Раму подумал о том, как сильно может изменить человека паутина житейских неурядиц. Когда-то Гита была веселой, здоровой, красивой, она много смеялась, любила танцевать и петь.

Сейчас он видел перед собой постаревшую, угасшую, обесилевшую женщину.

— Я приношу тебе одни лишь несчастья, Раму, — подала голос жена. — Седьмая дочь! Уж лучше бы я умерла!

— Не говори глупостей, Гита. Лучше подумай о том, как мы ее назовем.

— Мне все равно, — сказала женщина и отвернулась к стене. — Я не хочу ее видеть!

— Зря ты так, — с укором промолвил Раму и посмотрел на новорожденную, которая лежала в изголовье матери.

Ничего особенного, девчонка как девчонка, кусок мяса, который будет расти, есть и пить, высасывая из измученных родителей последние соки. Иное дело, если бы родился мальчик! Сын, который поддерживает отца и мать при жизни и провожает их в последний путь, совершает обряды, обеспечивающие родителям беспрепятственный переход в следующее рождение. Недаром говорят, что в отличие от дочерей сыновья рождаются не из чрева, а из сердца!

Выйдя из дома, Раму увидел во дворе деревенского астролога, старика по имени Бхадра, и развел руками. Тот мог бы не приходить в дом бедного шудры¹, над которым в седьмой раз посмеялась судьба.

— Знаю, Раму! — поспешно произнес Бхадра, поднимая ладони. — Я хочу сказать, что твоя дочь родилась под счастливой звездой. Ее ждет необычная жизнь. Она будет красива, богата, умна. Вдобавок боги наградили ее редкостным даром.

— Каким?

— Время покажет, — уклончиво ответил астролог.

Раму невольно поднял глаза. Дождь закончился, но небо было затянуто серой пеленой. Какие звезды способен разглядеть на пасмурном небе старый обманщик Бхадра?

С другой стороны, он был рад и такому утешению и безропотно протянул старику рупию.

Вскоре дочери, которых на время родов матери отослали к соседям, вернулись домой и хижина наполнилась детскими голосами. Сестры тоже не уделили малышке внимания: они давно привыкли к тому, что каждый год их становится на одну больше.

Ночью Гита осторожно поднялась с циновки, взяла новорожденную и тихо вышла из дома.

¹ Шудра — низшая каста в индийском обществе. Ниже шудр стояли только неприкасаемые.

Дул прохладный ветер. Деревенские улицы тонули в темноте; лишь в некоторых хижинах мелькали тусклые огоньки. Небо очистилось, и луна освещала джунгли призрачным голубоватым сиянием. Раскидистые кроны деревьев приняли нереальные, причудливые очертания.

Мало кто осмеливался покидать деревню в тот час, когда в джунглях пробуждалась таинственная ночная жизнь, однако Гита бесстрашно открыла ворота и быстро пошла по направлению к мрачной чаще.

Извилистая тропинка едва угадывалась в густых зарослях. Порой жгуты лиан цеплялись за плечи, задевали лицо, и Гита нетерпеливо отстраняла их рукой.

Кругом трещали цикады, перекликались ночные птицы. Сквозь узоры листвы пробивалось сияние сверкающей россыпи звезд.

Женщина не испытывала страха ни перед тем, что собиралась сделать, ни перед собственной гибелью. Если на нее упадет дикий зверь, она будет избавлена от бремени жизни, в которой так много забот и так мало радости. Что касается другого...

Гита была далеко не единственной, кто поступал подобным образом. Соседям можно сказать, что ребенок умер. Никто ничего не заподозрит, а если заподозрит, то не осудит. Выдать замуж семь дочерей, семь раз приготовить приданое под силу лишь богачу из высшей касты, но никак не бедному шудре!

Быть может, своим поступком она разорвет бесконечный круг, боги поймут свою ошибку и наконец подарят им с Раму сына!

Едва ли у нее достало бы сил живьем закопать девочку в землю, как делали иные люди: она положила малышку на траву в стороне от тропинки и быстрым шагом вернулась обратно.

Утром Раму с удивлением увидел, что новорожденная исчезла.

— Гита, — он тронул жену за плечо, — где девочка?

Женщина открыла глаза, и они предательски забегали.

— Не знаю.

— Как не знаешь?!

Разбудили дочерей. Те ответили, что ничего не видели и не слышали.

— Ее унесли духи или утащил дикий зверь, — попыталась объяснить Гита, но Раму не верил.

— Не лги, — сурово произнес он. — Что ты с ней сделала? Если не скажешь, я не найду покоя ни в этой, ни во всех последующих жизнях!

У него было такое выражение лица, что женщина сдалась.

— Я отнесла ее в джунгли и оставила там, — тихо сказала она.

— Ночью?!

— Да.

Наступила оглушающая тишина. Раму не знал, что делать: кричать, бить жену? Каменное спокойствие Гиты внушало мысль о том, что она сошла с ума.

Мужчина молча поднялся и вышел из хижины.

Он догадывался, по какой тропинке шла жена. Раму не сомневался в том, что ребенка давным-давно съели дикие звери, и все же какая-то неумолимая сила вела его вперед.

На кронах деревьев висели клочья тумана, который постепенно исчезал, растворяясь в утреннем воздухе. Когда он окончательно растаял, джунгли стали походить на безбрежный зеленый океан. Деревья и траву покрывала обильная роса, которая быстро высыхала под лучами горячего солнца.

Вскоре Раму различил сквозь птичий щебет тонкий детский плач и его сердце радостно забило. Он побежал на этот звук с таким чувством, словно услышал глас божества.

Девочка лежала в траве, разметав пеленки, и громко кричала. Раму не выдержал и прослезился. Какая она терпеливая и сильная, какой у нее звонкий голос!

Он взял дочь на руки. Она насквозь промокла и замерзла, но мужчина не сомневался в том, что ребенок выживет. Боги дали понять, что им не нужна такая страшная жертва!

Вернувшись назад и войдя во двор, Раму поискал глазами жену. Как большинство деревенских женщин, на другой день

после родов она встала с постели и занялась повседневными делами. Сейчас Гита сидела на корточках, повернувшись к мужу худой напряженной спиной, и с привычной ловкостью смешивала солому с коровьим навозом.

Раму окликнул женщину, она обернулась, и он увидел, что ее лицо залито слезами. Муж протянул ей ребенка и произнес непререкаемым тоном:

— Ее будут звать Амрита¹.

¹ Амрита — «бессмертная». В индийской мифологии — божественный напиток, нектар бессмертия, добытый во время пахтанья океана богами и демонами.

Часть первая Юрм

Глава I Семья

Старшие дочери Раму и Гиты прекрасно справлялись с домашним хозяйством, и потому на долю семилетней Амриты обычно доставалась самая необременительная работа — присматривать за младшими братьями. Она играла с ними в камешки, носилась наперегонки по деревенским улицам, вскарабкивалась на деревья, собирала и жевала душистую смолку, сооружала ловушки для насекомых и мелких зверушек, словом, участвовала во всех проделках Васу и Ромеша.

Родители закрывали глаза на ее шалости: после драмы, разразившейся в связи с появлением Амриты на свет (о чем девочка, к счастью, никогда не узнала), младшая дочь сделалась их любимицей. И Раму, и Гита относились к ней лучше, чем к сыновьям, которых им в конце концов подарили боги.

Последние годы жизнь семьи была очень тяжелой. Кругом свирепствовал голод. Хотя жители глухой индийской деревни ни разу не видели ни одного англичанина, до них доходили слухи о том, что именно белые люди повинны в смерти множества стариков и малых детей.

Каждая горстка риса, каждая капля молока были на счету. Гита варила похлебку из травы, а в муку, из которой пекла лепешки, подмешивала рисовую шелуху.

Каким-то чудом им с Раму удалось выдать замуж двух старших дочерей: четырнадцатилетняя Танга стала женой немолодого соседа-вдовца, а тринадцатилетнюю Малу отдали в семью, где кроме ее юного мужа было еще пятнадцать детей. Что делать с остальными девочками, откуда взять приданое, родители не знали: Раму забыл, когда в последний раз держал в руках хотя бы одну рупию.

Отец семейства от зари до зари трудился на рисовом поле, Гита вместе со старшими девочками копалась в огороде, младшие собирали в джунглях плоды манго, лайма и других деревьев, и все-таки этого было недостаточно для того, чтобы прокормить большую семью. По приказу колониальных властей деревенский староста и его помощники отбирали у крестьян половину урожая.

Однажды в сезон дождей младший сын Раму и Гиты, четырехлетний Ромеш, тяжело заболел. Он кашлял и прерывисто, судорожно дышал. Женщина поила его настоем целебных трав, выпросила у соседки немного жира и растерла им ребенку грудь, но малышу становилось все хуже.

Гита долго сидела возле постели сына, ломая руки и вполголоса повторяя молитвы, потом встала и решительно произнесла:

— Я пойду к Вишалу. Я знаю, у него есть лекарства, которые могут помочь.

Вишал, деревенский брахман¹, был одним из самых богатых людей в округе.

— К Вишалу?! — воскликнул муж. — У тебя нет денег!

— То, что у меня нет денег, еще не означает, что у него нет сердца, — отрезала Гита и вышла за дверь.

— Я пойду с тобой, — заявил Раму и отправился следом.

Над горизонтом громоздились иссиня-черные, полные влаги тучи, по улицам кружили вихри белой пыли. Порой в вышине вспыхивала ярко-красная ветвистая молния.

Раму то и дело боязливо поглядывал на небо, но Гита, крепко прижав к себе ребенка, упорно шагала вперед и не обращала внимания на готовую взбунтоваться стихию. Амрита давно

¹ Брахманы — представители высшей, жреческой касты, по преданию созданной из головы великого бога Брахмы.